

О. Ю. Захарова

М. С. ВОРОНЦОВ – КОМАНДУЮЩИЙ РУССКИМ ОККУПАЦИОННЫМ КОРПУСОМ ВО ФРАНЦИИ (1815–1818 гг.)

26 сентября 1815 г. властители Австрии, Пруссии и России подписали декларацию, положившую начало деятельности «Священного союза».

Затем был подписан так называемый Парижский мир – 20 ноября 1815 г. Мир не был столь уж тяжелым для Франции, поскольку она теряла весьма незначительные территории. Но некоторые статьи договора задевали национальное достоинство французов, в особенности о временной оккупации. Ситуация 1815 г. заставила союзников разместить на территории Франции часть своих войск числом 150 тыс. человек, которые должны были расположиться в крепостях и содержаться за счет Франции. Герцог Веллингтон назначался главнокомандующим, оккупацию предполагалось продлить на пять лет. Александр I подчеркивал, что это решение было принято для гарантии безопасности в Европе и спокойствия внутри самой Франции.

В качестве командующего оккупационным корпусом император остановил свой выбор на генерал-лейтенанте графе М. С. Воронцове (1782–1856), который всей своей предыдущей службой доказал право на доверие: большое значение имело уважение, которым пользовался Воронцов среди военных, а также строгая дисциплина, царившая в войсках. Еще одной причиной явилось то, что командующий должен был иметь хорошие отношения и общие взгляды с главнокомандующим герцогом Веллингтоном, которого император уважал как военного и политического деятеля¹.

Александр I вручал герцогу абсолютные права в командовании соединенными русскими силами, и Воронцов обязан был точно исполнять его приказы, имея право не подчиняться Веллингтону лишь в том случае, если увидит в его распоряжениях угрозу целостности корпуса. Во всех же других случаях полномочия Веллингтона были безграничны, вплоть до права начать боевые действия, если безопасность короля и спокойствие Франции

окажутся под угрозой. В такой ситуации М. С. Воронцов должен был всеми средствами помогать главнокомандующему.

Император особо подчеркивал необходимость сохранения среди местных жителей доброго мнения о русском солдате, которое приобрели наши войска во время войны.

Таким образом, в 33 года М. С. Воронцов занял пост командующего Русским оккупационным корпусом во Франции, имея в подчинении военачальников, участвовавших еще в походах Суворова и Румянцева-Задунайского.

Отдельные, хотя и немногочисленные, исторические документы содержат факты о дружеских отношениях между герцогом Веллингтоном и М. С. Воронцовым.

Крайне скупой на похвалу, герцог редко одобрительно отзывался о подчиненных. Практически никто из сподвижников Веллингтона на Пиренеях не принадлежал к числу его друзей.

При этом особую значимость приобретает мнение главнокомандующего о М. С. Воронцове. Как писал Н. И. Лорер в своих «Записках», «Веллингтон о нем справедливо отнесся, назвав звездой России»².

Веллингтону подчинялись четыре союзных корпуса и бригада датчан. Гоф-квартира Веллингтона находилась в Камбре.

Исходя из сведений, содержащихся в специальных ведомостях, направляемых из корпуса дважды в месяц на имя главнокомандующего, общая численность корпуса на 25 декабря 1815 г. составляла 36 334 человека и 34 орудия. Это число включало в себя, как сказано в ведомости, и временно занятых, невоеннообязанных, находящихся при госпиталях и полках. Всего же основной состав военнослужащих по корпусу на 15 декабря 1815 г. насчитывал 28 887 человек³.

Русский корпус состоял из двух пехотных дивизий и одной кавалерийской, пионерной роты, запасных парков № 2 и № 4, подвижного магазина. Корпусная квартира находилась в г. Мобеж.

Начальник 9-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Евстафий Евстафьевич Удом 2-й (1760–1831) был участником русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и боевых действий на Дунае в 1811 г., он командовал в 1812 г. 9-й пехотной дивизией в армии Торماسова.

Начальником 12-й пехотной дивизии был Григорий Иванович Лисаневич (1756–1832), генерал-лейтенант, участник штурмов Очакова и Праги, сражений под Аустерлицем, Прейсиш-Эйлау и Фридландом, боевых действий на Дунае в 1809–1811 гг.

3-й драгунской дивизией был назначен командовать генерал-лейтенант Илья Иванович Алексеев (1773–1830), участник штурма Измаила, русско-

шведских войн 1788–1790 гг., 1808–1809 гг. и кампании 1807 г. В Отечественную войну 1812 года командовал кавалерийской бригадой в корпусе Витгенштейна, четырежды ранен.

Под началом М. С. Воронцова находились личности опытные и заслуженные. Кроме того, высшее командование доверяло ему не только как военачальнику, но было уверено, что он пользуется уважением своих подчиненных любого ранга.

Забота о солдате – одна из лучших традиций русской армии. Делеши М. С. Воронцова свидетельствуют, какую огромную работу выполнял командующий для снабжения корпуса всем необходимым.

В первую очередь М. С. Воронцову приходилось решать сложные административно-хозяйственные вопросы, связанные с проблемами денежного довольствия корпуса.

Как указывает Воронцов в докладной записке на имя императора, французское правительство отпускало на содержание Русского оккупационного корпуса «ежегодно 4 миллионами менее получаемого войсками других держав, оставленными во Франции на том же основании...». Вполне закономерно, что подобная ситуация вызывала большое беспокойство командующего⁴.

Одним из вариантов решения проблемы становится «выписывание некоторых вещей из России и подрядов». В результате корпус не только обошелся выделенной суммой, но и передал в казну более 2 млн экономии.

Не следует полагать, что М. С. Воронцов старался избегать помощи Петербурга в решении финансовых проблем, целиком полагаясь на собственные средства. Так, в 1815 г., опасаясь, что в результате введенного тарифа на офицерские порции обер-офицеры будут нуждаться, М. С. Воронцов обращается с письмом к императору. Император сообщает, что находит замечания его правильными, он согласен, что выделение 500 000 франков необходимо для нормального обеспечения продовольствием офицерского состава⁵.

Впоследствии М. С. Воронцов сумел сэкономить практически полностью 1,5 млн франков (500 тыс. в год) путем заключения удачной сделки с французским правительством.

Значительного внимания требовали бытовые стороны жизни корпуса.

С самого начала пребывания во Франции Воронцов много занимался размещением военнослужащих корпуса, полагая, что от решения этой задачи зависит как сохранение собственных военных привычек и традиций, так и нормальные отношения с местными жителями. Для этой цели Михаил Семенович приказал предоставить отдельные дома для казарм, таким образом были устроены две трети состава корпуса. Существовал и второй

способ размещения – «частные лагерь», на которые выпрашивал палатки у французского правительства и герцога Веллингтона⁶.

Первый вариант имел серьезный недостаток: «умножение больных», но, как пишет командующий, «я почитал зло сие меньшим в сравнении пользы, от них получаемой»⁷. Так, узнав об увеличении больных в одном из госпиталей, особенно из Смоленского полка, и посетив казармы, он нашел, что начальники не уделяют должного внимания поддержанию чистоты в казармах.

«Между тем первыми и неотложными правилами должно утвердить содержание в покоях свежего воздуха, частое мытье водою с песком полов, столов, кроватей и прочих деревянных вещей и строгий надсмотр, чтобы постели были всякое утро убраны и чтобы на оных до вечера опять не ложились»⁸.

Михаил Семенович распространяет правило среди своих подчиненных: «Чистота есть первая причина здорового и веселого духа»⁹. Каждая часть корпуса имела собственную баню, полки размещались частью в городах в казармах, частью по деревням на квартирах обывателей, причем в каждой деревне было положено находиться не более чем одному взводу (36–40 человек).

«Для сохранения здоровья в войсках и в целях содержания их во всегдашней готовности к походу полки заставляли делать каждую неделю по два и по три раза переходы, верст по двадцать и более в полном вооружении. И как громко, на удивление французам, песенники выводили русскую песню на полях Франции»¹⁰.

Но, как известно, хорошая песня на голодный желудок вряд ли сладится. Здоровье и настроение солдат и офицеров не в малой мере зависят от их питания. В 1815 г. обязательный набор продуктов, входящих в ежедневный порцион военнослужащих корпуса, был следующий (данные приводятся из расчета на одного человека).

Хлеб черный или пшеничный	2 фунта
или мука	1 ½ фунта
или сухари	1 ¼ фунта
горох, бобы, чечевица	½ фунта
или картофель	1 фунт
или другие овощи	1 фунт
мясо	½ фунта
водка или пиво	1 порция

По мнению Михаила Семеновича, денежное обеспечение солдат было крайне недостаточно, поэтому, имея небольшое жалованье, они не могли

покупать некоторые необходимые в быту предметы и продукты, такие как мыло, соль, квас и проч.¹¹

Учитывая создавшееся положение, М. С. Воронцов сообщает о возникших проблемах герцогу де Ришелье и с помощью Веллингтона и находившегося тогда в Париже графа Каподистрия договаривается о выдаче оккупационному корпусу дополнительной ежемесячной суммы сверх положенной по контракту. Часть этих средств Воронцов расходовал на возмещение убытков местному населению, последовавших от учений и маневров корпуса, что не могло не сказаться положительно на взаимоотношениях сторон. По завершении срока пребывания корпуса во Франции остатки этой суммы предназначались для устройства армейских школ в России, что было продолжением просветительской деятельности М. С. Воронцова, проводимой в корпусе¹².

Немаловажной задачей для М. С. Воронцова становится проблема организации в корпусе регулярных занятий по обучению основам грамоты солдат и младшего офицерского состава. Изначально он создает в полках обыкновенные школы для солдат, учителями которых становились офицеры и полковые священники. Но, несмотря на увеличение числа школ и учащихся, дело продвигалось крайне медленно, что заставило Воронцова обратиться к методу взаимного, ланкастерского обучения. «Стараниями находившегося при мне дипломатического чиновника Тургенева отыскан в Париже... российский подданный Г. Ганри, который по приглашению моему взялся перенять методу ланкастерского учения и ввести оную в вверенном мне корпусе, что со стороны и было с успехом исполнено»¹³.

Во время изучения Г. Ганри этого метода М. С. Воронцов вместе с Тургеньевым, который внимательно наблюдал за его деятельностью, подготавливал условия для работы учебных заведений. В результате были образованы четыре училища, отвечал за них адъютант командующего князь Голицын.

Во время пребывания во Франции император Александр I лично посетил одну из школ, находившуюся в Мобеже, и высказал одобрение по поводу ее деятельности.

Как уже отмечалось, М. С. Воронцов вырабатывал различные программы для успешного прохождения службы солдатами и офицерами вверенного ему корпуса, а также ставил перед собой задачу ввести и в России начинания, хорошо зарекомендовавшие себя во Франции.

Итоговая строка ведомости о результатах обучения грамоте в корпусе Воронцова показывает, что в целом обучение в ланкастерских школах прошел 1 381 человек. При этом азбуке обучились 168, читать по складам 209, освоили начальное чтение 119, научились читать хорошо 176, писали по складам 218, освоили навыки письма 229, стали писать хорошо 109,

обучались основам арифметики 266, освоили первоначальные правила 72; «к числу познаний первой части довольно достаточно – 51»¹⁴.

Итак, грамоте обучались примерно 4–5 солдат из 100. Если учитывать, что, к примеру, в 1812 г. на 100 новобранцев в русской армии приходилось чуть больше 60 неграмотных (в германской – 2; в шведской – 3), а также что грамотные в этот список не входили, число обучавшихся не так мало¹⁵. Необходимо заметить, что средства на создание школ были заимствованы из остатков суммы, отпущенной в целом на содержание корпуса, при этом около 100 тыс. франков, по мысли М. С. Воронцова, могли быть использованы на создание подобных школ в России.

Командиры полков следили за успехами в обучении не только нижних чинов, но и подчиненных им офицеров. Так, в специальных списках «О поведении офицеров Смоленского полка за вторую половину 1817 года» содержатся аттестации 38 офицеров, в графе «каково ведет себя по службе» у 10 значится «очень хорош», у 25 «хорош» и у 2 «нет старания», у одного «стареется без успеха»; в графе «каковы имеет способности ума» у одного значится «весьма хорошие», у 36 человек «хорошие», у одного «малые»¹⁶.

В списках подробно перечислены знания каждого офицера: 13 человек знали «иностранные языки», 15 человек «обучались разным наукам» и 21 человек «не обучались никаким наукам» (которым удалось лишь преодолеть «российскую грамоту» – «читать и писать умеет»)¹⁷.

Необходимо отметить, что командир Смоленского полка полковник Г. И. Ностиц, кавалер ордена Святого Георгия 4-го класса, участник военных кампаний начиная с 1806 г., говорил и читал по-русски, по-немецки и по-французски. Таким образом, большинство командиров корпуса, начиная с командующего, лично демонстрировали своим подчиненным искреннее стремление к получению знаний в различных областях науки и искусства.

В Кинбурнском полку был создан прекрасный хор, а для обучения трубачей пригласили французского преподавателя, после занятий с которым хор мог исполнять самые трудные классические произведения современных композиторов того времени.

После возвращения в Россию музыка полка считалась лучшей в корпусе, и в случае приезда высоких особ командование требовало трубачей Кинбурнского полка¹⁸.

Как известно, овладение танцевальной культурой было неотъемлемой частью образования русского офицера, но во Франции танцами увлеклись и нижние чины корпуса. При этом особой популярностью пользовалась французская кадрили.

Следует отдельно остановиться на одной из обязательных, по мысли М. С. Воронцова, мер, направленных на поддержание морального духа в корпусе: «Я думал тоже, что получение писем из России от родных могло действовать на расположение солдат к отечественным связям, и потому всеми мерами старался доставлять им способы отправлять и получать письма»¹⁹.

М. С. Воронцов организует строгий контроль за доставкой из почтамта корпуса всех писем путем объявления способов и времени отправки корреспонденции в Россию, по его словам, без труда и расходов. Созданию столь действенной почтовой связи немало содействовал тот факт, что в России М. С. Воронцову активно помогали люди, непосредственно занимавшиеся развитием связи.

Вместе с письмами в корпус регулярно доставлялись из России газеты, они шли буквально нарасхват. Поступавшая из России корреспонденция не только несла информацию, но словно незримая нить связывала солдат и офицеров с Родиной, в решении проблем которой они старались участвовать, находясь за сотни километров от России. Так, прочитав воззвание к русскому обществу о сборе средств на выкуп наших пленных у кавказских горцев, не только офицеры, но и солдаты корпуса стали выделять для этой цели «половину своего третнего жалования»²⁰.

Глубоко продуманное решение социально-экономических, административно-хозяйственных, культурных проблем во многом способствовало созданию здоровой моральной атмосферы в воинских частях, солдаты и офицеры которых были оторваны от России и находились в чужой стране несколько лет. Но для граждан Франции присутствие союзных войск на территории их государства было прежде всего оккупацией, и это налагало свой отпечаток на взаимоотношения военных с местным населением. Для М. С. Воронцова проблема имела особое значение в силу образования, воспитания и присущих ему нравственных принципов.

К моменту назначения командующим корпусом М. С. Воронцов уже имел достаточный опыт общения с гражданским населением государств, на территории которых проходили военные действия.

Воронцов особо подчеркивал, что смысл сношений Русского оккупационного корпуса с Францией заключается не только в том, чтобы никто не смел нарушать соответствующих французских законов, но и в том, чтобы каждый, в случае необходимости, оказывал помощь французским властям. «Я никак не полагаю, чтобы Российский Офицер мог забыть честь мундира своего и звания до того, чтобы делать самому контрабанду, но сего не довольно; всякой из нас заинтересован в том, чтобы никто из принадлежащих к на-

шему корпусу, как-то: подрядчики, маркитанты, жидаы и прочие не могли бы под покровом имени русского делать таковые постыдные выигрыши»²¹.

М. С. Воронцов обратился к местным властям с просьбой специально проверять проезжающих из Русского корпуса, независимо от их звания и цели путешествия.

Запрещая своим подчиненным самовольно пользоваться подводами местных жителей, М. С. Воронцов еще раз напоминал, что корпус оставлен во Франции не на короткий срок и находится не на военном положении, поэтому следует строго соблюдать законность и порядок. М. С. Воронцов не оставляет без внимания ни одной жалобы местных жителей, ни одного нарушения общественного порядка со стороны солдат и офицеров корпуса.

Проблемы во взаимоотношениях возникали не только между местным населением и представителями Русского оккупационного корпуса, но и среди самих русских военных. Так, М. С. Воронцов утверждает приговор суда расстрелять унтер-офицера Нарвского пехотного полка Михаила Чельшева за преднамеренное убийство из пистолета в лесу рядового того же полка Григория Николаева, у которого убийца отобрал крупную сумму денег. Приказ был прочитан в каждом эскадроне и во всех ротах корпуса в присутствии всех чинов²².

Воспитанный с детских лет в духовных принципах православия, М. С. Воронцов прекрасно осознавал необходимость поддержания духа своих подчиненных, находящихся вдали от России, традициями православного вероисповедания. «Быв отдален с вверенным мне корпусом от Отечества и находясь следующего другой с нами религии, я весьма желаю, чтобы сие не было препятствием к соблюдению обрядов нашего православного исповедания...», – пишет в приказе Воронцов и говорит о том, чем он готов помогать верующим²³.

В феврале 1816 г. М. С. Воронцов разрешает командирам, в связи с началом Великого поста, договариваться с поставщиками таким образом, чтобы желающие отговорить могли это сделать. Заранее предусматривалось, каким порядком и на какой неделе священникам нужно будет объехать полки и артиллерийские роты²⁴.

Необходимо отметить и проявления дружелюбных отношений между Русским оккупационным корпусом и местными жителями. Воронцов с удовольствием принял благодарный отзыв от жителей селения Сар-Лотери о капитане Нарвского пехотного полка Атамонове, предпринявшем все меры для тушения пожара в этом селении.

Воронцов рекомендует всем начальникам смотреть, чтобы люди не ходили и не ездили по вспаханым полям; в одном из апрельских распоряжений

Михаил Семенович строго запрещает воинским чинам его корпуса рыбную ловлю в р. Самбр и всякую охоту, особенно псовую: первое – потому что река отдана на откуп французу, который понес бы убыток; второе – для охоты отводится определенное время года, к тому же необходимо оберегать хлеба на полях.

Приведенные выдержки из приказов М. С. Воронцова по корпусу являются проявлением тех принципов, на которых он строил свои отношения с подчиненными. Главной целью каждого являлось достойное выполнение обязанностей.

«Одна из самых главных и самых нужных вещей есть, чтобы солдат знал, что за хорошее поведение в службе, честность, усердие и ревность в учении он должен надеяться на хорошее обращение с ним начальников, как противное поведение немедленно приведет его к строгому и справедливому наказанию»²⁵, – считал он.

В Докладной записке императору Воронцов перечисляет правила, по которым следует:

1. Искоренение бесчеловечия, т.е. жестокости по отношению начальников к подчиненным;

2. Строжайшее наказание за крупное преступление, но при этом солдаты должны ясно видеть различие, зависимость меры наказания от степени тяжести (каждого) совершенного преступления;

3. Каждое телесное наказание, произошедшее в полку, должно было строго фиксироваться в специально предназначенной для этого книге²⁶.

М. С. Воронцов подводит итоги нравственно-воспитательной работы в корпусе в результате принятых мер. Практически было искоренено воровство, при этом М. С. Воронцов обращает внимание императора на то, что во время расследования строжайше было запрещено «в каком бы то случае ни было употреблять наказание и пристрастные допросы». М. С. Воронцов подчеркивает, что истязание невинного рождает в каждом солдате мысль о возможности быть безвинно наказанным за чужой проступок. А это приводит к тому, что «слабые умы, привыкая к возможности наказания, легко привыкают и к возможности преступления»²⁷.

Судя по неоднократному возвращению М. С. Воронцова к теме справедливого наказания и «недопущения жестокого обращения с подозреваемым», этот вопрос волновал его действительно серьезно, он не желает ограничиваться только рамками корпуса, которым он командовал. В той же Докладной записке он пытается обратить внимание Александра I на решение данной проблемы в целом по империи.

Испытывая справедливое, но при этом строгое и требовательное отношение к себе, солдаты корпуса невольно сравнивали свое положение с тем, что

происходит в войсках союзников. Они видели, что телесные наказания применяются в Русском корпусе значительно реже, чем в английском. В британской армии были издавна широко распространены суровые меры укрепления дисциплины – розги, плеть, а в иных случаях расстрел. Наказание в 1 000 ударов считалось обычным явлением. Именно Веллингтон опустил «потолок» наказания розгами до 300 ударов, но до конца своих дней оставался принципиальным противником отмены телесных наказаний²⁸.

Обстановка в корпусе, созданная Воронцовым, сказалась на общих его потерях (с учетом возвращенных бежавших): с 1 сентября 1815 г. по 20 декабря 1818 г. они достигли 917 человек, что составило примерно 3% от общего числа военнослужащих. Количество дезертиров в Русском корпусе при выводе наших войск из Франции оказалось значительно меньше, чем предполагало командование. И это при том, что в корпусе были оставлены, согласно приговору суда, 130 дезертиров основной армии.

М. С. Воронцову удалось наладить в корпусе дисциплину, от которой во многом зависела военная подготовка. В марте 1818 г. в присутствии великого князя Николая Павловича состоялись маневры русских войск, причем национальная гвардия Мобежа стояла под ружьем вместе с нашими частями. Николай Павлович благодарил командование за состояние войск и, судя по отзывам современников, остался доволен увиденным.

В тот же вечер М. С. Воронцов дал бал августейшему брату императора, окна Мобежа украсились русскими и французскими флагами, собрались все офицеры корпуса и представители высшего общества Шампани.

В течение 1816–1817 гг. во время большого смотра в Русском корпусе М. С. Воронцов удостоился одобрения за его состояние великого князя Николая Павловича и главнокомандующего герцога Веллингтона.

Но, несмотря на это, отношение официальных властей Петербурга к деятельности М. С. Воронцова во Франции было далеко не однозначно. «Твои дела хорошо идут, ибо ты почитаем, уважаем и завидуем: последнее не меньшее обстоятельство здесь (в Петербурге), следственно, и неприятелей у тебя много: они нападают на учреждение твое. Но мне кажется, любимым быть подчиненными есть первое благополучие в свете, а ты его сыскал»²⁹, – сообщал в 1817 г. своему другу И. Ф. Паскевич.

В приказе от 15 июня 1816 г. М. С. Воронцов с большим удовольствием отмечал положение, в котором он нашел 3-ю драгунскую дивизию, располагавшуюся в окрестностях Ретеля. Он оценил выправку людей, порядок и знание в маневрах, особенно скорость, живость и дух, «без коих один порядок, – как отмечал М. С. Воронцов, – не что иное, как педанство, и которые при оном будут непобедимы»³⁰.

М. С. Воронцов обещает принять все зависящие от него меры, чтобы доставить в дивизию лучшее оружие по сравнению с имеющимся. Во время маневров М. С. Воронцов старался «приучать войска к одинаковому шагу, к равнению и соблюдению дистанции между батальонами, каковы бы сии дистанции ни были, то есть целое, половинное и так далее, и к скорому и точному исполнению всех перемен линии и дирекции во все стороны на марше и на месте»³¹.

Необходимость столь подробного описания деталей строевой подготовки становится понятной, если учитывать особое отношение к ней императора, великих князей и всей русской армии.

В период прохождения Аахенского конгресса Александр I и король Фридрих-Вильгельм произвели смотры стоявшим во Франции войскам. 10 октября 1818 г. союзные государи присутствовали на смотре русских войск при Киеврене, император сказал М. С. Воронцову, что полки двигались недостаточно быстрым шагом. «Ваше Величество, этим шагом мы пришли в Париж»³², – отвечал Воронцов. На следующий день главнокомандующий герцог Веллингтон устроил маневры союзных войск, занимавших с 1815 г. северную часть Франции.

Веллингтон остался доволен всем виденным, мнение императора Александра Павловича было не столь однозначно. По отзывам современников, император был недоволен многими нововведениями М. С. Воронцова, но не высказывал открыто своего отношения, дорожа мнением Веллингтона, хвалившего русский корпус. Газета «Московские ведомости» сообщила, что император был доволен состоянием своих войск во Франции³³.

Однако есть свидетельство, что на совместных маневрах союзных войск, прошедших на следующий день после смотра корпуса, продолжавшегося восемь часов, Александр I и цесаревич Константин Павлович «не были удовлетворены выправкой войск Русского оккупационного корпуса»³⁴.

Император не выразил лично Воронцову своего отношения к результатам его деятельности, но наградил его орденом Святого равноапостольного князя Владимира. Михаил Семенович полагал, однако, что «мог надеяться на получение чина, ибо в мирное время никакого случая нельзя найти подобного тому, который представился в мою пользу, и, потеряв теперь и остатки куража и надежды, не могу не видеть особенное против меня неблаговоление»³⁵.

Таким образом, мы видим, что оценки строевой подготовки корпуса были противоречивыми. Нельзя сказать, что образованием и дисциплиной своих подчиненных М. С. Воронцов не занимался, но он имел свое мнение о способах решения данных вопросов. Еще от отца М. С. Воронцов унасле-

довал особое отношение к русским солдатам, более требователен он был к офицерам, считая, что от их знаний и поведения зависит подготовка частей в целом.

В «Правилах обучения стрелков в пехотных и егерских полках» Воронцов писал: «Офицеры... не подготовлены и одною чрезмерною храбростию думают заменить нужные для сей службы познания». Они не только сами становятся первыми жертвами своей необдуманной храбрости, но и «наводят на своих тот страх и недоверчивость, кои с беспорядком нераздельны»³⁶. Будучи противником бездумной муштры на плацу, Воронцов считал, что учения должны развивать «как тело, так и ум солдат: видя же пользу в том, что ему показывают, он учится с особенною охотой и усердием»³⁷.

Подобные взгляды были, по сути, продолжением суворовских традиций в русской армии, которые начинали вытесняться прусскими методами обучения и воспитания войск, что подтверждает и высказывание И. Ф. Паскевича: «Это экзерцицимейстерство мы переняли у Фридриха Второго, который от своего характера наследовал эту выучку. Хотели видеть в том секрет его побед, не понимая его гения, принимали наружное за существенное. Фридрих был рад, что принимают то, что лишнее, и, как всегда случается, перенимая, еще более портят»³⁸.

Естественно, нежелание М. С. Воронцова превращать «солдат в машины» могло вызвать раздражение высшего военного командования в Петербурге. В то же время недовольство императора могло объясняться и другими, главным образом политическими причинами.

Уже упоминалось о ланкастерской системе обучения, введенной Михаилом Семеновичем в корпусе. Но еще в 1814 г. в Париже данной системой обучения заинтересовались Ф. И. Глинка и Ф. Н. Толстой, которые по возвращении в Россию взялись за устройство школ по методу взаимного обучения Белля и Ланкастера. Результатом их трудов стало появление в Санкт-Петербурге «Общества учреждения училищ по методу взаимного обучения». Нужно заметить, что лица, входившие в его состав, были масонами и занимали в нем должности в соответствии с положением их в ложе «Избранного Михаила», основанной в сентябре 1815 г. в Санкт-Петербурге под главенством верховной ложи «Астреи». Ф. И. Глинка был товарищем председателя. Мы не имеем сведений о членстве Воронцова в какой-либо из масонских лож.

Однако в мае 1820 г. статс-секретарь граф Каподистрия передал императору записку от графа М. С. Воронцова и князя А. С. Меншикова, подписанную Александром и Николаем Тургеневыми, о намерении создать общество под руководством управляющего Министерством внутренних дел,

целью которого «должно быть изыскание способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению их от рабства»³⁹.

Таким образом, императору открыто сообщалось о намерении создать общество для поиска путей освобождения крестьян. В «Записках» С. Г. Волконского содержатся сведения, что М. С. Воронцов подписал вместе с М. Ф. Орловым, И. В. Васильчиковым и Д. Н. Блудовым адрес о ликвидации крепостного права, представленный Александру I в 1815 г. М. Ф. Орловым. Этот документ до нас не дошел⁴⁰.

Учитывая традиционные, присущие семье Воронцовых понятия о чести, верности и долге, можно предполагать, что М. С. Воронцов не состоял в этот период в каком-либо тайном обществе, но его деятельность, направленная на просвещение нижних чинов корпуса, смягчение телесных наказаний, сочувствие идеям постепенного освобождения крестьян от крепостной зависимости, и при этом умение и желание доводить любые начинания до конечного результата не могли не насторожить власти, подозревавшие М. С. Воронцова не только в участии, но и в лидерстве в одном из тайных обществ.

Однако вернемся к Русскому оккупационному корпусу во Франции.

Следует заметить, что одной из первостепенных проблем, решаемых на Аахенском конгрессе 1818 г., была возможность вывода армии союзников из Франции.

Данный вопрос был решен положительно, поскольку союзники беспокоились, что пребывание войск во Франции может окончательно заразить их «якобинством». Этот мотив впоследствии был раскрыт Меттернихом в его полемике с бывшим министром иностранных дел Австрии. «А знаете ли вы, – заявил Меттерних, – единственный и истинный мотив нежелания Императора Александра видеть хотя бы один только корпус армии... расположенным за границей? Это его убеждение, что корпус перейдет на сторону врагов»⁴¹.

Подозрение властей, что Русский корпус «офранцузился», т. е. в нем сильны революционные настроения, было также одной из причин внимания Санкт-Петербурга к деятельности М. С. Воронцова. Он был крайне уязвлен недоверием властей, которое, с одной стороны, оскорбляло его нравственные принципы, а с другой – ставило под сомнение всю его последующую карьеру как военного и государственного деятеля. Так, в письме Закревскому от 4 (16) мая 1818 г. из Мобежа он буквально выплескивает старому другу боль, вызванную несправедливым к нему отношением, упрекая друга в нежелании признать, что он подвергается гонению. Михаил Семенович пишет: «Я совсем не думаю, чтоб я нужен был по службе, напротив, она мне нужна, потому, что я к оной привык, что, проведши в оной лучшее время жизни

моей, всякое другое состояние мне сперва покажется скучным, но нельзя с нею не расстаться, когда она сопряжена с унижением, и мне лучше будет не только быть вне оной, но хоть в пустыне, нежели всякий день ждать неприятность и быть трактованным как последний человек»⁴².

Это один из немногих документов, где Воронцов подробно рассказывает другу о служебных неприятностях, что в принципе не было свойственно Михаилу Семеновичу. О сложностях во взаимоотношениях с властями Воронцов не пишет никому, кроме Закревского, он старается не говорить на эту тему с родными и с окружающими, которые заметили его плохое настроение.

Такое поведение М. С. Воронцова было вызвано не только опасениями, что его недовольство оценкой своих действий станет известно. Он исходил из своих принципов в отношении к службе, а именно: верховная власть – это прежде всего император, который для русского человека того времени являлся первым защитником Отечества и Веры. Служить и одновременно подвергать критике высшую власть – значит наносить оскорбление прежде всего государю, что равносильно нарушению присяги и измене Отечеству. Как уже отмечалось, Воронцов возлагал свои надежды на приезд императора, который должен был справедливо оценить все сделанное им в корпусе.

Уже говорилось, что Михаил Семенович особенно щепетильно относился не только к оценке своей деятельности властями, но и к мнению друзей и сослуживцев, что неоднократно подчеркивал в письмах на Родину. «...И ежели надо уже было бы выбирать из двух одно, т.е. чтобы наградили одного меня, а другим отказ, или чтобы меня забыть, а довольное число товарищей моих наградить, то я бы, конечно, выбрал последнее, ибо на что мне и чин, коли с оным мне было бы стыдно показаться сослуживцам моим? Вне службы все чины почти равны»⁴³.

М.С. Воронцов был назначен главнокомандующим Русским оккупационным корпусом в результате признания императором особого уважения, которым он пользовался в офицерской среде. Дух корпоративности был силен в этот период в русской армии. С одной стороны, это укрепляло армию, а с другой – способствовало все большему развитию тайных обществ. Об отношении к последним лучше всего за себя и близких сказал А. П. Ермолов в письме к А. А. Закревскому: «Много раз старались меня вовлечь в общество масонов, я не опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно, но рассуждаю как простой человек, что общество, имеющее цель полезную, не имеет необходимость быть тайным»⁴⁴.

В этом же письме, датированном февралем 1819 г., А. П. Ермолов высказывает А. А. Закревскому сожаление по поводу неприятностей Воронцова: «Надобно беречь подобных ему людей: у вас нет таковых излишних!

Не по дружбе к нему, но по самой справедливости оцените его, и, без сомнения, найдете, что люди с его достоинствами редки. Прибавьте и ту выгоду, что он молод и государство долго может пользоваться его услугами. Во всем свете люди на высокие ступени по большей части восходят поздно, тем лучше, что человек способный может достигнуть их в молодости»⁴⁵.

Ранимость Воронцова в отношении критики в свой адрес была известна его друзьям и вызывала у них неоднозначное отношение. В одном из писем к А. А. Закревскому П. Д. Киселев передает свою беседу с Понсетом о графе: «Мы много говорили о делах их, и он согласился, что Воронцов не прав во многом, и особенно в том, что полагал геройством не скрывать пренебрежение ко всему, что свыше происходило, и порочить явно все постановления, которые по званию своему обязан был представлять не на посмешище, но на уважение подчиненных своих, либо не служить»⁴⁶.

Но именно к такому выводу пришел и сам М. С. Воронцов, так как еще в письме, датированном маем 1818 г., он сообщает А. П. Ермолову о решении «просить Императора об отставке».

Михаил Семенович был прав, утверждая, что даже хорошо знающие его люди, в том числе некоторые из друзей, имеют ложное представление о его деятельности во Франции, поэтому не приходится удивляться негативной оценке властей. «Совесть меня ни в чем не упрекает, корпус поддерживал в течение трех лет и даже возвысил честь имени русского, при том остался совершенно русским, не потерял ни в чем привычек, ни обычаев своей родины»⁴⁷, – писал М. С. Воронцов.

Стоит подробнее остановиться на последнем замечании Воронцова, так как современники, побывавшие в то время в Мобеже, отмечали особую царившую там атмосферу. Так, Ф. Ф. Вигель вспоминал, что все, начиная от слышимой повсюду русской речи до малейших деталей быта (русская кухня, двойные рамы и печи с лежанкой в квартирах), заставляло его думать, что «как бы волшебным прутиком в одне сутки перенесен я был в Россию из центра Франции»⁴⁸.

С этим впечатлением не расходится и рассказ Ф. В. Ростопчина, который в июне 1818 г. гостил у Воронцова в Мобеже. В одном из писем он воссоздает своеобразную обстановку, которая сложилась во Франции в это время, когда, по его словам, в одно утро можно найти русских в Мобеже, датчан в Бушене, англичан в Валансьене и казаков в Брикете. Рассказывая о посещении Михаила Семеновича, он пишет: «Я был очень доволен своею поездкою: со мной ездил Орлов, и я у графа Воронцова побыл шесть дней, воображая, что я был в России, ибо Мобеж столько же русский, как Клин и прочее: квас, сбитень, везде речи русские: брань наша. Дрожки разъезжа-

ют, песни, пляска и даже вывески на лавках русскими литерами и словами написаны. Воронцова боготворят и наши и жители, он строг, но справедлив и доступен»⁴⁹.

4 ноября полки потянулись на Родину.

Лично М. С. Воронцов получает разрешение отправиться с корпусом в Германию, где он имел право оставить войска, когда сочтет необходимым, и уйти в отпуск на любой срок по своему желанию.

Считая себя незаслуженно обиженным властями, он окончательно решил выйти в отставку. Для человека, который, по отзывам современников, был рожден для службы, этот шаг требовал определенного мужества.

В России корпус Воронцова был расформирован.

Возвратившиеся из Франции части оккупационного корпуса были вовлечены в процесс общих военных реформ в русской армии. Поэтому вряд ли стоит говорить о каком-либо особом отношении к судьбе корпуса.

Что касается боевой и строевой подготовки частей корпуса, то она неизменно отмечалась как императором, так и военачальниками. В 1820 г. император высказал особое одобрение Кинбурнскому драгунскому полку: несколько раз Александр Павлович благодарил полк за вид и подготовку на высочайших смотрах 1824 г. Во время этого смотра особой оценки за стрельбу удостоился и Нарвский пехотный полк. В сентябре 1819 г. главнокомандующий 2-й армией генерал от кавалерии Витгенштейн отметил Смоленский полк. На смотре 1820 г. Смоленский полк был признан лучшим в дивизии. Смотры 1821–1822 гг. подтвердили отличную репутацию полка. Подобные успехи не могли не сказаться на отношении императора к Воронцову.

В ноябре 1820 г. Михаил Семенович сообщает А. А. Закревскому, что встретился с императором, и упоминает опубликованный в газетах рескрипт с хвалебными отзывами о корпусе и своих действиях во Франции на посту командующего: «Сей рескрипт совершенно должен успокоить меня и товарищей моих, имевших причину думать, что нами Государь не доволен, Его Величество еще лично мне изволил сказать, что поведение всех полков, возвратившихся из Франции, везде есть отлично и что все корпусные командиры оные весьма хвалят. Все сие делает, что мне не стыдно будет со старыми товарищами встретиться, ежели служба когда-нибудь меня к тому приведет, я больше и желать не был прав»⁵⁰.

Во время личной встречи с императором М. С. Воронцов окончательно принял решение не уходить в отставку: «Отпуск у меня остается, и в чужие края на полтора года, после чего я готов служить Государю Его Величеству, только просил милости, чтобы это было в южных провинциях, что угодно было Государю обещать»⁵¹.

Друзья Воронцова были искренне рады такому решению. Приведем слова Н. Н. Раевского: «Кому же служить можно, если не служить графу Воронцову? Его воспитание, его счастливые способности всегда уважаемы будут достойно, и, конечно, никто затмить его не в состоянии»⁵².

В каждом историческом периоде государства мы находим имена своих героев. На протяжении столетий в Российской империи ими становились в первую очередь представители армии. Принадлежность к элите русской армии не зависела от высокого чина или участия в громких боевых операциях. Прежде всего имелось в виду нравственное влияние личности, сила ее морального воздействия на окружающих. Мнение таких людей ценилось в обществе очень высоко, на них равнялись. К их числу принадлежал и М. С. Воронцов, о котором Ф. Ф. Вигель говорил, что он и А. П. Ермолов были кумирами русской армии, хотя им не суждена была роль Потемкина и Суворова⁵³. Такому отношению во многом способствовали полученное Воронцовым воспитание и образование, нравственные принципы, заложенные в основе его мировоззрения, основной смысл которого во многом заключен в словах М. И. Платова: «...мы должны показать врагам, что помышляем не о жизни, но о чести и славе России»⁵⁴.

С 1823 г. начнется новый этап военной и государственной деятельности М. С. Воронцова в качестве генерал-губернатора Новороссийского края.

Пребывание М. С. Воронцова в должности командующего Русским оккупационным корпусом во Франции было своеобразным переходным периодом между начальным этапом его военной карьеры и генерал-губернаторством. Во Франции он приобрел столь необходимый для будущей карьеры государственного деятеля политический опыт в решении военных, дипломатических, административных, экономических и культурных вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 2095. Л. 1–3.

² Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 285–286.

³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 2105. Л. 10. Черновик полумесячных рапортов М. С. Воронцова на французском языке.

⁴ Там же. Ед. хр. 2164. Л. 5–6.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же.

⁸ Приказы генерал-лейтенанта графа М. С. Воронцова по отдельному корпусу во Франции (ИОК Государственной исторической библиотеки). С. 286. (Далее: Приказы М. С. Воронцова).

- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Годунов В. И.* История 3-го Уланского Смоленского полка. Либава, 1908. С. 163.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 2164. Л. 6–7.
- ¹² Там же. Л. 7.
- ¹³ Там же. Л. 10.
- ¹⁴ Там же. Л. 15.
- ¹⁵ *Давыдов М. А.* Оппозиция Его Величества. М., 1994. С. 50.
- ¹⁶ *Годунов В. И.* Указ. соч. С. 168.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Подушкин Н. А.* Прошлое Кинбурнских драгун. Комель, 1898. С. 66–67.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 2164. Л. 2.
- ²⁰ *Годунов В. И.* Указ. соч. С. 163–164.
- ²¹ Приказы М. С. Воронцова. С. 60.
- ²² Там же. С. 117.
- ²³ Там же. С. 32.
- ²⁴ Там же. С. 91.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. Хр. 2164. Л. 3–4.
- ²⁶ Там же. Л. 4.
- ²⁷ Там же. Л. 5.
- ²⁸ *Куриев М. М.* Герцог Веллингтон. М., 1995. С. 63–64.
- ²⁹ *Щербатов А.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его Жизнь и деятельность. СПб., 1888. Т. 1. С. 336.
- ³⁰ Приказы М. С. Воронцова. С. 187.
- ³¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 2164. Л. 10.
- ³² *Годунов В. И.* Указ. соч. С. 165.
- ³³ Моск. ведомости. 1818. 20 нояб. С. 255.
- ³⁴ *Шильдер Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. IV. С. 120.
- ³⁵ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73. С. 499.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 2259. Л. 1.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Рус. архив. 1889. Кн. 1. С. 417.
- ³⁹ Рус. старина. 1871. Март. С. 366.
- ⁴⁰ *Волоконский С. Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 363.
- ⁴¹ *Окунь С. Б.* История СССР (1796–1825). Л., 1974. С. 312.
- ⁴² Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. С. 492.
- ⁴³ Там же. С. 802.
- ⁴⁴ Там же. С. 335.
- ⁴⁵ Там же. С. 325.
- ⁴⁶ Там же. Т. 78. С. 18–19.

⁴⁷ Там же. Т. 73. С. 499.

⁴⁸ Воспоминания Ф. Ф. Вигеля. М., 1866. Ч. 3. С. 155.

⁴⁹ Рус. архив. 1868. Стб. 1919.

⁵⁰ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. С. 505.

⁵¹ Там же. С. 505.

⁵² Там же. С. 253.

⁵³ *Давыдов М. А.* Указ. соч. С. 9.

⁵⁴ Герои 1812 года: Сб. Серия «Жизнь замечательных людей» М., 1987. С. 53.